

— На ТВ-Центре вы ведете программу "Разговор по существу". Ваша оценка политики — проблемно-философская. Сейчас политический анализ делают совсем по-другому. Вы сознательно избавляете себя от грязи?

— Да. Меня не интересуют сплетни, интриги, слухи, катастрофы, мордобой в парламенте. Любой человек может включить любой канал телевидения и наесться этим до отвала. Я пытаюсь говорить с людьми, которые хотят думать. Работаю в естественной для меня несовременной манере. В этом и ущербность, потому что я, как ископаемый мамонт, обросший волосами и с большими бивнями, а вокруг бегают совсем другие животные.

— Вы ищете в российской политике какую-то логику. Но можно ли найти то, чего нет в принципе?

— Когда-то логику в нашей политике упорно искали советологи, жившие далеко от нас. Достаточно было Брежневу, например, молвить руководящее слово, они старательно начинали поиски логики. Я читал это с улыбкой, потому что знал, где заканчивается и начинается каждое звено. Так вот, сейчас подобные советологи переместились к нам. Со страшной силой они ищут логику там, где ее не бывает. Логика всегда есть в шахматах, а если играют в домино... Тут с логикой сложнее. Но я не анализирую "разовые" события. Я говорю о проблемах, и здесь обязательно присутствует логика.

— Вы сказали про домино, можно еще сказать про баню и т.д. Как вы считаете, то, что сейчас у нас происходит, имеет какое-нибудь отношение к реальной политике?

— Реальной политикой вполне можно заниматься в бане. И можно не заниматься реальной политикой, сидя за письменным столом. Если люди занимаются интригами, подвоверными ходами — это уже не политика, а политиканство. Интригами можно спокойно заниматься в роскошных кремлевских кабинетах. В этом смысле баня может быть важнее кремлевских кабинетов. Важно, кто находится там и что он делает.

— С тех времен, когда вы работали в "Международной панораме", "9-й студии", намного ли изменилось представление о том, как делается политика? Сейчас читаешь, кто кого продал или купил, кто кого компрометирует и т.д. Раньше, конечно, невозможно было об этом говорить, хотя все это было. Или тогда политика была солидной?

— Наверное, и раньше "это" было. Но насколько я могу судить, те давние интриги были, с одной стороны, крупнее, масштабнее, а с другой — как-то стыдливее, что ли... Не так нагло все делалось. И потом. Крупные политические акции предпринимались после серьезной работы экспертов и специалистов. В этом смысле сама методика принятия политических решений была более основательной. В странах, где уже устоялись, утряслись нормы демократической политической жизни, научились интриговать более изящно, скажем так. Менее нагло, менее кричаще. У нас же все это выглядит грубо, топорно, по-хамски. Интрига — свойство неразвитой демократической жизни.

— Можете ли вы, опытный политический журналист, сказать, что нынешние вершители судеб просто не соответствуют уровню политиков, бывших, скажем, при Брежневе? Можете вы о них сказать: "Богатыри не вы"?

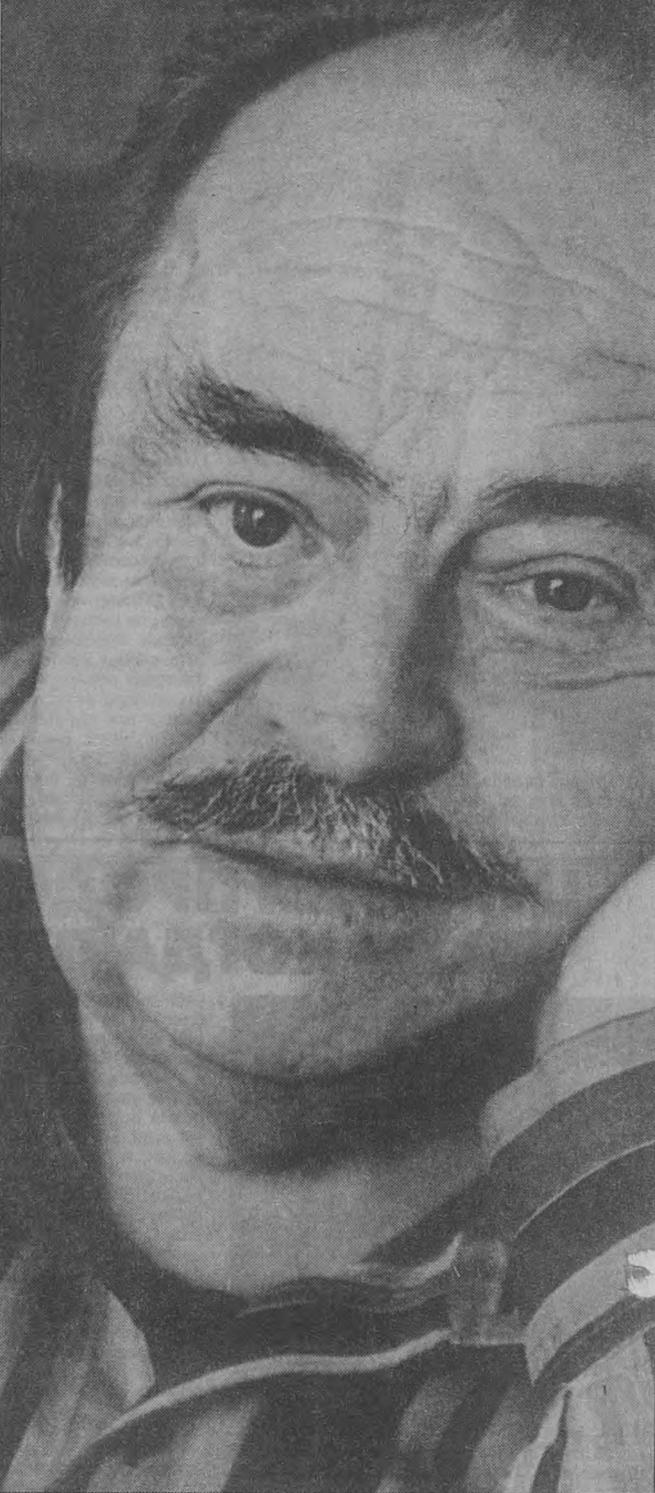
— Мне трудно об этом судить. Я практически не знаю тех людей, которые ныне принимают участие в выработке решений. Внутренне сомневался сам механизм подбора кадров. В прежние времена существовала налаженная система. Человек топал по ступенькам, набирался опыта. А сейчас это происходит очень быстро. В принципе, я не думаю, что это большая беда. Считаю, что только молодые люди смогут поднять Россию. Не страшно, что они молоды. Печально, что слишком часто на разного рода ответственных постах появляются некие пронирыльные, беспринципные субъекты. Есть такой принцип Питера, который гласит: каждый чиновник когда-нибудь достигает уровня своей некомпетентности. Так вот, сейчас этот уровень некомпетентности достигается очень рано.

— У вас нет ощущения, что за пять лет службы послом в Израиле вы отстали от новейших политических рецептов и технологий?

— "Новейшие рецепты и технологии" — это старое, давным-давно известное на Западе. Не в этом дело. Просто я вернулся в другое государство. Другие порядки, другие нравы, другая методика работы журналистов. Поэтому были для меня большие психологические трудности. Да, можно бы-

МАМОНТ И КОЛОПАТЫ

В СССР политический обозреватель Александр Бовин резко выделялся на сером фоне пресмыкающейся международной журналистики. Сейчас, в эпоху свободы слова, Бовин опять не вписывается в рамки. Просто он был и остался самим собой.

ло бы подсушиться, начать трясти грязное политическое белье, избрывать из себя знатока закулисной жизни. Но мне это неинтересно. Я решил остаться самим собой. Меня на Страшном суде не спросят, почему ты не вел передачу, как, скажем, Доренко, почему ты не писал, как Минкин, а спросят, почему не работал, как Бовин. Поэтому я и работаю, как Бовин.

— Работая на ТВ при Брежневе, вы отличались независимостью суждений. Причина такой отвязанности крылась в ваших близких отношениях с Брежневым?

— Действительно, хорошие отношения с Брежневым облегчали мне жизнь, создавали "крышу", как сейчас говорят. Правда, я ни разу не обращался к нему за помощью, даже когда мне запрещали выступать на телевидении.

— Значит, даже при той системе можно было говорить больше, чем дозволялось?

— Можно, если идти на риск. Это зависело от человека. Запрещали говорить. Но никто не мог заставить говорить то, чего не хочешь говорить.

— Вам, безусловно, верили. Но вы поддержали ввод войск в Афганистан...

— Я поддержал ввод войск в Афганистан потому, что в Афганистане я был и видел ужасающую нищету. Страна жила не в двадцатом, а в пятнадцатом веке. Революция была, на мой взгляд, неизбежна и спасительна. Во мне сработал синдром интернационалиста. Потом ситуация изменилась. Мы стали не спасать революцию, а воевать с афганскими крестьянами. Когда я понял это, изменилась и моя позиция. Так что не во власти дело, а во мне самом.

— А Чечня?

— Это была война со своим народом. Она преступна. Но преступно было и проиграть ее, раз уж начали.

— В Израиле вы выучили иврит?

— Нет. Так, отдельные выражения, фразы. Вывески по слогам могу читать.

— Вы поняли эту страну?

— Нет. Ее и сами евреи-то никак не поймут. Как и мы Россию.

— Так умом Россию не понять?

— Неправда. Именно умом Россию и надо понимать. Поэтому мы так и живем, что только верим, а головой работать не хотим.

Александр МЕЛЬМАН.